

Об “агентах Кремля”, абсурде и “Синем ките”: Ответ Мурсалиевой, Елкину и Крыловой

Янис Бухолцс, Солвита Денис-Лиепнице, исследователи Видземской высшей школы

Мы с интересом прочитали опубликованное 12 мая на портале “Delfi” мнение [“Как защитники детей от “китов” стали агентами Кремля”](#). Это комментарий к нашему исследованию в связи с распространением так называемой суицидальной игры [“Синий кит” в Латвии и России](#). Как представители академической сферы мы верим, что рациональные дискуссии дают вовлеченным сторонам возможность прийти к более глубокому пониманию вопроса. Поэтому мы считаем своим общественным долгом ответить на упомянутые в статье утверждения — к сожалению, они не выдерживают критики.

Авторами статьи являются Галина Мурсалиева, Виктор Елкин и Светлана Крылова, назвавшие себя соответственно обозревателем “Новой газеты” и психологами. Однако, на портале Европарламента Елкин значится помощником ([local assistant](#)) депутата Татьяны Жданок, и в контексте этой истории это важно.

В своей публикации авторы приписывают нам утверждения, которых мы не высказывали, и дают советы, против которых мы не возражали, однако, игнорируют при этом центральную идею нашей статьи.

1. К пониманию трагедии

Авторы пишут, что тревогу “надо было бить даже, если жертвой “групп смерти” стал лишь один ребенок”. Мы с этим абсолютно согласны. Даже смерть или попытка суицида одного ребенка недопустима. И в нашей статье нет ни слова, утверждающего обратное.

Однако это высказывание мало что говорит о том, что является причиной трагедий. Мурсалиева пишет, что дети и подростки умирают от того, что действуют интерактивные “группы смерти”. Мы в свою очередь указали на то, насколько неубедительным и неполным является такое такое упрощенное объяснение. Чтобы довести какого-то ребенка или подростка до самоубийства, и сложно представить, что психологи проигнорируют то, что должен присутствовать ряд других факторов.

Эти факторы мы не сможем понять и устранить, если станем рассматривать происходящее

только в качестве социально-трансмиссивной мистификации, а не будем способны рассмотреть явление в контексте. Однако контекст включает в себя как реальные проблемы детей и подростков, так и страшилки и городские легенды. Связанная с поведением детей и подростков [моральная паника](#) регулярно встречается в разных странах и культурах.

Чтобы понять тревожащие явления и при необходимости превентивно действовать, следует изучать и понимать субкультуры детей и подростков — как это делали, например, антропологи, которые [изнутри изучали “группы смерти”](#) в течение десяти месяцев. Их вывод: публикация Мурсалиевой в “Новой газете” — это результат “некорректной интерпретации [городских и интернет-]легенд и основанных на них практик”.

2. Секты самоубийц и интернет

Авторы критически относятся к высказыванию психиатра Евгения Любова на портале “Медуза”, что “нельзя никакими ухищрениями заразить суицидом или безумием”.

Чтобы опровергнуть утверждение, они в качестве примеров приводят ряд случаев коллективных самоубийств, связанных с сектами. Однако, кажется, от авторов ускользнуло, что ни одна из них не действовала главным образом в интернете. Именно об этом комментарий Любова — это нет так уж трудно понять, если читать нашу статью или статью “Медузы” в контексте. И ссылка на статью была предложена.

Если человек не имеет уже соответствующей предрасположенности, то можно ли “запрограммировать” через интернет так же как и того, кто имеет предрасположенность и дополнительный набор факторов? Если же какие-то люди имеют такую предрасположенность, то причины и решения следует искать где-то еще, а не только в “группах смерти”.

3. Кто хочет контролировать интернет?

Авторы публикации указывают, что за стремлением недемократических государств контролировать интернет мы видим “злой умысел — желание тотального контроля, даже не рассматривая другие, более простые версии мотивации таких запретов”.

Им, очевидно, совершенно правдоподобным кажется утверждение, что политики и чиновники такие ограничения разрабатывают для того, чтобы никто не смог обвинить их в бездействии и не предотвращении смерти детей. Это якобы приемлемый способ действий, если ответственные лица не имеют понятия, как можно иначе предотвратить случаи смерти.

Считают ли авторы нормой то, что органы власти не знают, как действовать в случае угрозы, а также установление неадекватно широких ограничений?

Если целью действий является именно защита детей, такие действия властей можно назвать стрельбой по воробьям из пушки, или же стрельбой по чему-то другому, а за одно и по воробьям. А еще это называется некомпетентностью органов власти. Ни то, ни другое не заслуживает поддержки.

В этой связи особенно комично звучат имеющиеся далее в статье утверждения, что “самой разумной мерой профилактики опасного влияния из сети будет не запрет интернета, как показалось Бухолцу и Денис-Лиепнице, а обучение безопасному обращению в нем”. В своей статье мы критиковали именно широкие ограничения интернета и считаем это идеей, нежелательной для общества. Напротив, отношение авторов статьи к примеру России и Казахстана оставляет место для известной многозначности.

4. Абсурд и уже е виденный идеологический коктейль

Авторы указывают, что “абсурдно выглядит и предположение о целенаправленной раскрутке темы в Латвии пророссийскими силами”. Напротив, абсурдно именно то объяснение, почему этого не может быть, а именно: пророссийские силы в Латвии якобы не могут ничего подобного поддерживать, поскольку тогда правящие в Латвии политики, не отличающиеся теплыми чувствами к России, примут законы, которые пойдут во вред оппозиции, “большая часть которой симпатизирует восточному соседу”.

Мы указали, что контроль над интернетом выгоден российской власти в борьбе с оппозицией. Их оппозицией. Однако из этого не вытекает, что и в Латвии попадание “групп смерти” в политическую повестку дня будет означать ограничение местной, латвийской оппозиции. С контролем над интернетом или нет, но латвийские органы власти, в отличие от России, инакомыслящих таким образом не преследуют.

В то же время в парламенте Латвии оппозиция была весьма влиятельной при разработке некоторых странных изменений, получивших также поддержку депутатов из правящей коалиции. Например, самых больших энтузиастов борьбы за нравственность в Сейме, как известно, следует искать в рядах оппозиции. Благодаря инициативе “Согласия” с “[поправками о нравственности](#)”, мы сейчас имеем закон, ставящий под вопрос то, способны ли педагоги сами определять, что является аморальным.

Подобным же образом одно лишь то, что видные сторонники активизации темы в публичном пространстве пророссийски настроены, еще не говорит о том, что такая идея может или не может приобрести более широкую парламентскую поддержку. Между прочим, соответствующие политические взгляды не делают тех, кто их высказывает, “агентами Кремля”, как это интерпретировали авторы статьи. Это не наше утверждение.

Можно понять, что авторы “обиделись” из-за допущения, которые мы изложили в статье, что тема “Синего кита” в России, а также в Латвии ассоциируется с конкретными политическими и идеологическими акторами. Однако трудно понять, действительно ли от них ускользнула ирония, что соавторов Елкин был одним из активистов Штаба защиты русских школ. Он [дал интервью](#) Дмитрию Ермолаеву, которого Бюро защиты Конституции идентифицировало как [офицера российской службы разведки](#). В интервью Елкин рассказывает, что так и не принял развала СССР, и поездку из Риги в Москву описывает словами: “Всем говорю так: я приехал в большую столицу своей родины из малой столицы моей родины”.

Как специалист по тоталитарным сектам он также демонстрировал свою “экспертизу” классическими страшилками про [“пропаганду ЛГБТ”](#): “Они уверенно ведут мир к тому, чтобы уничтожить в нем само понятие традиционной семьи и брака”. Сейчас представляемый им Латвийский комитет по борьбе с тоталитарными сектами создал рабочую группу [по проблеме “групп смерти”](#), которой [платформу для высказываний](#) предоставило также российское федеральное агентство новостей “Regnum”, [Baltnews](#) и некоторые латвийские СМИ.

Это очередной коктейль идеологических установок, который мы описали в своей публикации. Мы указали на связь. Чтобы опровергнуть утверждение о наличии связи, следовало бы показать, что тех, кто поддерживает тематику “групп смерти”, политические симпатии не объединяют. Вместо этого авторы добавили еще одно звено, а не разомкнули цепь аргументов.

5. Медиаграмотность — против паники

В конце статьи подчеркивается, что детей и подростков необходимо просвещать. В Латвии разумность СМИ сейчас тоже является актуальной темой. Мы всецело поддерживаем инициативы, направленные на обучение не только детей и молодежи, но и взрослых критически оценивать информацию; знать, куда обращаться за помощью, и понимать, какая информация про них самих попадает в публичное пространство через социальных медиа.

Между прочим, способность критически потреблять содержание СМИ могла бы предотвратить также распространение паники в связи с “группами смерти”. Именно к этому мы призывали свою аудиторию, анализируя в своей статье послания средств массовой информации.

В “доминирующем” рассказе о “группах смерти” и “Синем ките” [слишком много допущений](#), не опирающихся на факты. Осознанно или нет, рассказ, где упустился контекст, не выполнил основную функцию — корректное информирование общества. Нагнетаемый в публичном пространстве страх (обоснованный или не имеющий под собой основы) в разные времена был для властей удобным инструментом для получения поддержки общества при реализации идей, которые фактически противоречат интересам этого самого общества. В статье Мурсалиевой, Елкина и Крыловой нет аргументов, которые указывали бы на недостоверность или ошибки в нашей интерпретации.